

Права человека в Центральной Азии

Проект финансируется
Европейской Комиссией

Институт по освещению
войны и мира

Уважаемые читатели!

Мы рады представить вашему вниманию первый выпуск информационно-аналитического бюллетеня, посвященного проблемам прав человека в странах Центральной Азии. Пользуясь возможностью, мы хотели бы поблагодарить всех, кто найдет его полезным и интересным.

Данный бюллетень издается в рамках проекта «Защита прав человека и правозащитное образование посредством СМИ в Центральной Азии». Он реализуется Институтом по освещению войны и мира (IWPR) при поддержке Европейской Комиссии. Одной из основных целей проекта является повышение уровня информированности населения о проблемах в области защиты прав человека в центрально-азиатских странах.

Хотелось бы отметить, что нарушение прав человека в Центральной Азии постепенно приобретает системный характер. Права человека приносят в жертву во имя «государственной безопасности», «сохранения стабильности», а также используют в целях защиты политических и экономических интересов. Решение многих проблем в области прав человека - таких, как торговля людьми, использование детского труда, произвольные аресты, домашнее насилие, несоблюдение прав национальных меньшинств и другие - требуют объединенных усилий государственных, международных и неправительственных организаций.

Сегодня IWPR, реализующий этот проект, работает в Европе, Афганистане, Иране, Ираке, Сирии, Филиппинах, Уганде, Северной Африке, Зимбабве, на Кавказе и в странах Центральной Азии. В центрально-азиатском регионе IWPR успешно работает с 1999 года. За это время IWPR удалось наладить конструктивное взаимодействие с государственным сектором, неправительственными организациями, а также медиа-структурами.

Его результатом, несмотря на языковые барьеры и различия во взглядах, стало множество совместных публикаций на сайте www.iwpr.net. Благодаря этой работе, IWPR сделал значительный вклад в освещение вопросов, связанных с правами человека, развитием демократии и другими конфликтными темами.

В каждом номере мы постараемся знакомить вас с деятельностью проекта, с отдельными случаями нарушения прав человека в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане, а также объективно рассказывать о реалиях стран нашего региона.

Координатор проекта Айгуль Болотова

Представительство IWPR в Казахстане:
Республика Казахстан,
Алматы 050010
ул. Валиханова, 100/25
6 этаж, офис 601
Тел.(факс): +7 (727) 291 0429
Тел.: +7 (727) 291 2005
web: www.iwpr.net

Представительство IWPR в Кыргызстане:
Кыргызская Республика,
Бишкек 720017
ул. Тоголок-Молдо, 18, 2
Тел.(факс): +996 (312) 61 38 70
Тел.: +996 (312) 66 44 53
web: www.iwpr.net
E-mail: iwpr@ktnet.kg

Представительство IWPR в Таджикистане:
Республика Таджикистан,
Душанбе 731003
проспект Рудаки, 137, "Точикматлубот", 6 этаж
Тел.(факс): +992 (372) 24 70 51
Тел.: +992 (372) 24 20 76
web: www.iwpr.net
E-mail: iwpr.tajikistan@gmail.com

Institute for War and Peace Reporting
48 grays Inn Road
London, WC1X 8LT, UK
Tel.: (+44207) 831 10 30
Fax: (+44207) 831 10 50
www.iwpr.net
E-mail: info@iwpr.net

В выпуске:

В Кыргызстане готовится закон, запрещающий ранние браки	2
Эксперты констатировали ухудшение ситуации с соблюдением прав человека в Кыргызстане	2
В Таджикистане не соблюдается закон о гласности судопроизводства.....	3
В Таджикистане растет количество случаев суицида.....	3
Казахстан: неопределенность в отношении беженцев сохраняется	4
Казахстан утверждает документы по правам человека накануне года своего председательствования в ОБСЕ	5
Специальный репортаж: детский труд в Горном Бадахшане.....	6
Кыргызстан: беспокойство по поводу ситуации с незарегистрированными браками.....	9
Таджикистан: независимость омбудсмена под вопросом.....	10
Международных трейдеров призвали бойкотировать узбекский хлопок.....	11

В Кыргызстане готовится закон, запрещающий ранние браки

26 мая в Оше состоялся круглый стол на тему «Совершенствование законодательства Кыргызской Республики по вопросам брачного возраста и проведения религиозных брачных обрядов (введение обязательной государственной регистрации брака)».

Проблема ранних браков сегодня особенно актуальна в южных областях Кыргызстана. По официальным данным, 50 процентов женщин от 15 до 19 лет рожают детей, не вступив в законный брак. Зачастую отношения мужчин и женщин регистрируются только по мусульманским обычаям. В случае расторжения такого брака женщины, как правило, не имеют права на часть совместно нажитого имущества. Их бывшие мужья не выплачивают алименты. По данным опроса Национального общества Красного полумесяца, в таком браке состояли две из пяти женщин.

Из-за проблемы ранних браков на юге Кыргызстана становится все больше матерей-одиночек и детей, растущих в неполных семьях.

Ряд правозащитных организаций начинает в Ошской, Джалал-Абадской и Баткенской областях лоббировать закон, направленный на борьбу с незарегистрированными браками.

В ходе проведения круглого стола было озвучено предложение о внесении в Гражданский и Семейный кодексы Кыргызстана нормы, разрешающей проведение мусульманского обряда только после официальной регистрации брака.

Кроме того, было предложено узаконить наложение штрафа от 115 до 230 долларов на мулл, которые будут проводить обряд без предъявления свидетельства об официальной регистрации брака.

Эксперты констатировали ухудшение ситуации с соблюдением прав человека в Кыргызстане

В Бишкеке 16 июня прошел круглый стол «Демократия и права человека в Кыргызстане: нынешнее состояние и перспективы».

В круглом столе приняли участие депутаты Жогорку Кенеша, представители Института по освещению войны и мира и Института общественной политики, независимые эксперты и журналисты.

В своем докладе омбудсмен КР Турсунбек Акун констатировал «откат Кыргызстана от демократии», что было обозначено в его отчете за 2008 год. Он отметил, что на ситуацию повлияло введение ограничений на проведение митингов и мирных собраний. Турсунбек Акун подчеркнул, что в настоящее время разработан проект нового закона, который направлен на экспертизу в БДИПЧ ОБСЕ.

Среди факторов, отрицательно повлиявших на развитие демократии в Кыргызстане, омбудсмен также упомянул проблему рейдерства, детского труда, криминальную обстановку в республике, ситуацию в пенитенциарных заведениях, а также внесение изменений в законодательство, обязывающих военнослужащих оказывать помощь МВД по охране порядка и обеспечению общественной безопасности.

Ухудшение ситуации с соблюдением прав человека признал и депутат Жогорку Кенеша Алишер Мамасалиев.

Он также заявил, что в Кыргызстане практически перестал существовать «второй эшелон» правозащитников. Парламентарий связывает это со сложившейся политической и экономической ситуацией.

Подводя итоги круглого стола, президент Института общественной политики Муратбек Иманалиев отметил, что «Кыргызстан, несмотря на все проблемы и трудности, все-таки остается в русле демократических изменений и реформ, и это признается всеми».

В Таджикистане не соблюдается закон о гласности судопроизводства

31 мая в Душанбе при поддержке Института по освещению войны и мира состоялся круглый стол, в ходе которого прошла презентация мониторинга уголовного судопроизводства в Таджикистане, проведенного с августа 2008-го по апрель 2009 года.

Во время проведения мониторинга представители общественной организации «Центр по правам человека» посетили 62 процесса в судах Душанбе, Согдийской области, Горном Бадахшане, а также в Вахдате.

Наблюдатели констатировали, что некоторые судьи не соблюдают закон о гласности судопроизводства. На одном из открытых процессов судья предупредил их, что выступает против публикации информации, полученной в ходе заседания. Помимо этого, наблюдатели отметили затрудненность доступа в здания судов для людей с ограниченными возможностями, престарелых граждан и беременных женщин.

В Таджикистане растет количество случаев суицида

18 июня в Худжанде состоялся круглый стол на тему «Проблемы суицида в Таджикистане: возможные пути решения».

Согласно данным статистики, в последние годы наибольшее число случаев суицида пришлось именно на Согдийскую область. С 2007-го более 400 жителей северного региона Таджикистана покончили с собой. А за пять месяцев 2009-го зарегистрировано 89 подобных фактов.

Представитель Хукумата области Азамджон Холмирзоев считает, что необходимо провести серьезное исследование причин этого явления, поскольку они до конца не выявлены. «Удивительно, но и вполне благополучные и не обремененные экономическими и другими социальными причинами люди, кончают жизнь самоубийством», - сказал он.

Участники круглого стола отметили, что рост числа суицидов заставил объединить усилия всех структур общества в области. Однако факторы отсутствия психологов в школах, снижения уровня образования и культуры среди населения, бедность и пропаганда насилия, которая наблюдается по телевидению и в интернете, отъезд родителей за рубеж, недостатки в воспитании и насилии в семьях не способствуют решению проблемы.

Казахстан: неопределенность в отношении беженцев сохраняется

До тех пор, пока в стране не будет принято всеобъемлющее законодательство, беженцам из Узбекистана и Китая может грозить депортация.

Новое законодательство, которое должно вступить в силу в начале следующего года, было разработано для того, чтобы страна полностью соответствовала международным конвенциям по обращению с беженцами. Однако ряд экспертов сомневается, что это значительно улучшит ситуацию с беженцами, особенно с выходцами из бывшего Советского Союза, ищущими убежища в Казахстане.

В 1998 году Казахстан ратифицировал Конвенцию ООН о статусе беженцев, а в 2002 году подготовил проект национального закона.

Несмотря на это парламент страны только сейчас начал слушания по законопроекту, который включает в себя международные стандарты по предоставлению статуса беженцев. Эти стандарты включают в себя, например, гарантии того, что человек не будет депортирован, разрешение на воссоединение семьи, а также гарантируют проведение общедоступных и прозрачных процедур.

Если закон утвердят, то он вступит в силу в январе будущего года. Сейчас же в Казахстане статус беженцев предоставляется только выходцам из Афганистана.

Без защиты от депортации остаются выходцы из Чечни, китайские уйгуры и жители соседних с Казахстаном центрально-азиатских республик.

Президент фонда «Журналисты в беде» правозащитница Розлана Таукина говорит, что на сегодняшний день Казахстан не предоставляет убежища беженцам, и, таким образом, они не имеют признанного статуса, льгот и гарантий безопасности.

«Были случаи, когда граждан Узбекистана, имеющих статус беженцев, депортировали обратно на родину, - сказала она. - Казахстану необходимо решить все эти вопросы и создать условия для беженцев. Мы - страна более демократичная, чем тот же Узбекистан или Туркмения».

ПРОБЕЛ В СУЩЕСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Статус «беженца» применяется к лицам, подвергающимся преследованию, или жертвам конфликта, ищущим убежища в другой стране. Решение о депортации или принудительной репатриации должно приниматься страной, предоставившей убежище. Но, согласно Конвенции ООН от 1951 года, беженцы должны получать такое же образование и социальные льготы, как и граждане государства, предоставившего им убежище. Конвенция также рекомендует предоставление беженцам возможности зарабатывать средства к существованию.

Из-за отсутствия местного законодательства в Казахстане многие люди, просящие о предоставлении убежища, так и не получают этот статус. По этой причине они не могут добиться выполнения положений Конвенции ООН.

По данным Министерства труда и социальной защиты Казахстана, в стране находится 580 официально зарегистрированных беженцев, большая часть которых иммигрировала из Афганистана.

Помимо общего закона об иммиграции Казахстан имеет нормы, обусловленные президентским указом от 1996 года, в отношении лиц, просящих о предоставлении политического убежища, терпящих преследование на политической почве.

По словам Евгения Жовтиса, главы Казахстанского международного бюро по правам человека и соблюдению законности, в существующем законодательстве вообще нет понятия «беженец».

«У нас беженец рассматривается как нелегальный эмигрант, - говорит он. - И только если он докажет, что он действительно ищет убежища, то тогда к нему применяется соответствующая норма законодательства».

Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев гарантирует статус беженца лицам в Казахстане, и, по словам Жовтиса, «казахские власти не препятствуют их переселению в третьи страны».

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ ПРЕВЫШЕ ЛЮБЫХ ДРУГИХ

Жовтис утверждает, что концепция предоставления убежища в большой степени связана с внешней политикой страны. «Поэтому заявления узбеков, туркменнов, таджиков, китайских уйгуров, чеченцев и турецких курдов даже не рассматриваются. Им отказывают в предоставлении убежища по формальным причинам, - говорит он. - Уже были случаи [в прошлом], когда Казахстан депортировал китайских уйгуров и граждан Узбекистана, которым угрожала смертная казнь».

Власти Казахстана озабочены тем, чтобы не обидеть Россию, принимая граждан, бегущих от чеченской войны и ее последствий.

Осторожность Казахстана также обусловлена тем, что другой его сосед - Китай - принял жесткую политическую линию в отношении этнических уйгуров, проживающих в Синцзянь-Уйгурском автономном районе на западе страны. В Казахстане издавна проживают представители чеченской и уйгурской диаспор, что и объясняет желание беженцев осесть именно в этой стране.

В пределах Центральной Азии основной поток беженцев идет из Узбекистана. Эти люди утверждают, что если они останутся, в их стране их ожидают аресты и пытки.

В последние годы Казахстан обвиняют в том, что он высылает из страны граждан Узбекистана, запросивших убежище.

Это, в частности, касается граждан Узбекистана, бежавших из страны после андижанских событий мая 2005 года,

когда правительственные войска открыли огонь по демонстрантам. Официальный Ташкент представил эти действия как легитимное подавление исламского восстания и продолжил преследование журналистов и правозащитников, которые были свидетелями расстрела демонстрации. Преследованиям также подверглись лица, подозреваемые в участии в протестах или вооруженных атаках на гарнизон и тюрьму за день до восстания.

В отличие от международного сообщества, соседние государства не спешат порицать действия Узбекистана. Спецслужбы Кыргызстана обвиняются в тихом потворстве своим узбекским коллегам, которым они позволяли проникать на территорию страны и похищать людей из списка разыскиваемых граждан. А властям Казахстана инкриминируется депортация на родину граждан Узбекистана без проведения необходимых формальностей.

Девять граждан Узбекистана, четверо из которых запросили политическое убежище, при невыясненных обстоятельствах пропали в Казахстане в ноябре 2005 года. Как сообщают, их без огласки переправили в Узбекистан. В ноябре 2007 года Хуршид Шамсутдинов, числящийся в узбекском списке разыскиваемых за предположительное участие в андижанских событиях, исчез в Шымкенте, городе на юге Казахстана. Его друзья считают, что его похитили узбекские спецслужбы.

С прошлого года власти Казахстана стали больше придерживаться норм по обращению с беженцами из Узбекистана.

Координатор проекта УВКБ ООН по законодательной помощи беженцам Денис Дживага отмечает, что в 2008 году Казахстан отказался выдать Узбекистану нескольких беженцев, обвиненных в терроризме. Их взяли под арест, и узбекские власти должны были в течение трех месяцев

предоставить материалы по этим делам. Поскольку они не сумели этого сделать, беженцев отпустили.

По словам Дживаги, власти Казахстана согласились на требования УВКБ ООН об отправке беженцев в третьи страны. «Узбекским властям просто с чистой совестью говорят, что запрашиваемых лиц нет на территории Казахстана», - сказал Дживага.

НОВЫЙ ЗАКОН МОЖЕТ ВСТРЕТИТЬ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Не все в Казахстане, однако, приветствуют введение нового законодательства о беженцах.

«Если его одобряют, Казахстан превратится в помойную яму, - заявил IWPR заместитель начальника Управления миграционной полиции Алматы Аян Асанов. - Любая, кто нелегально приезжает в Казахстан, будет считаться беженцем. Эти люди должны попадать под юрисдикцию Уголовного кодекса, потому что они нарушают не только законы той страны, которую покинули, но и наши законы».

Жовтис приветствует принятие закона, так как это приведет законодательство страны в соответствие с международной практикой и должно способствовать улучшению ситуации в целом. Однако он считает, что нельзя ждать быстрых перемен в ситуации с беженцами из Узбекистана и других центрально-азиатских стран, а также из Чечни и Китая.

«В отношении граждан Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, жителей Чечни и китайских уйгуров я бы не торопился с выводами», - сказал он.

Айгерим Бейсенбаева, журналист в Алматы, прошедшая тренинги IWPR

Казахстан утверждает документы по правам человека накануне года своего председательствования в ОБСЕ

Многие эксперты полагают, что правительство Казахстана в данный момент пытается привести в порядок законодательство по правам человека.

По мере того, как приближается долгожданный для Казахстана год его председательствования в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), страна пытается навести порядок в своем законодательстве по правам человека. Однако, по мнению экспертов, реализация конвенций на деле может оказаться гораздо более сложной, чем их подписание.

В феврале президент Нурсултан Назарбаев подписал ратификацию Первого факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, согласно которому в случае нарушения их прав граждане Казахстана теперь получают право обращаться в Комитет ООН по защите прав человека.

Казахстан ратифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах - основной документ по защите прав человека в мире - в 2006 году после его подписания в 2003 году. Первый факультативный протокол был подписан президентом Нурсултаном Назарбаевым позже, в 2007 году.

Для сравнения, Кыргызстан ратифицировал как сам пакт, так и протокол в 1994 году, Узбекистан сделал это через год, Туркменистан - в 1997-м, а Таджикистан - в 1999-м.

Хотя Узбекистан и Туркменистан считаются странами, позволяющими себе наиболее грубые в Центральной Азии нарушения прав человека, они были единственными, кто ратифицировал Второй факультативный протокол, согласно которому страны-участники должны прекратить применение смертного приговора. И это несмотря на тот факт, что

исполнение смертного приговора было отменено или приостановлено во всех странах данного региона, включая Казахстан.

В рамках другой реформы, которая, возможно, была приурочена к году председательствования Казахстана в ОБСЕ, в марте этого года парламент страны внес поправки в Уголовный кодекс по отмене смертного приговора для большинства видов преступлений, как этого требует Второй факультативный протокол. Смертный приговор все еще применим к определенным видам военных преступлений – допустимое в протоколе исключение – и террористическим преступлениям, которые вызывают наибольшее количество споров. Так как в последнюю категорию можно включить широкий круг правонарушений, некоторые эксперты предупреждают, что это может только осложнить ратификацию Второго протокола.

Многие аналитики полагают, что руководство страны пытается наверстать упущенное время с целью демонстрации своей приверженности международному праву по защите прав человека.

Отправленная в 2003 году Казахстаном заявка на пост председателя ОБСЕ была утверждена только после преодоления нескольких препятствий. Некоторые страны-члены ОБСЕ были против того, чтобы государство, где выборы проводятся вразрез с демократическими принципами, где существуют ограничения на свободу слова и где преследуются политические оппоненты, получило согласие на этот пост. В конце концов, заявка Казахстана была удовлетворена в 2007 году после того, как казахское правительство пообещало провести дальнейшие реформы.

«Казахстан как можно дольше тянул с ратификацией протокола, так как его утверждение было не выгодно властям», - считает Нурул Рахимбек, глава «Общества молодых профессионалов Казахстана».

«Если бы не скорое председательство в ОБСЕ, Казахстан до сих пор не утвердил бы факультативный протокол», - говорит политолог Досым Сатпаев, директор «Группы оценки рисков» Казахстана.

Сатпаев отмечает, что правительство Казахстана еще должно отправить уведомление в Комитет ООН по правам человека о том, что оно ратифицировало этот документ. И до этого момента граждане страны не смогут воспользоваться правами, предоставляемыми им в этом протоколе.

Депутат Мажилиса, член Комитета по международным делам, обороне и безопасности Серик Темирбулатов считает, что эта ратификация имеет большое значение для республики. Он также поясняет, что при вступлении протокола в силу граждане страны могут обратиться в Комитет ООН по правам человека, если они исчерпают все возможности для защиты своих прав внутри страны.

«Если гражданин прошел все судебные инстанции, но посчитал, что внутри государства он не нашел защиты, только тогда он сможет обратиться в Комитет ООН по правам человека», - объясняет Темирбулатов.

Юрист Сергей Уткин считает, что ратификация международного пакта – «большой шаг вперед».

«В Казахстане очень много случаев, когда люди доходят до Верховного суда, но не добиваются правды и не знают, что делать дальше, - говорит Уткин. – А сейчас у них появилась возможность подавать жалобы в более высокие инстанции».

«Хотя Комитет ООН по правам человека – это не Страсбургский суд с обязательным исполнением его решений, но в любом случае – довольно действенный механизм», - добавляет Уткин.

По его мнению, казахстанцам может потребоваться помощь для того, чтобы грамотно оформлять жалобы в Комитет ООН.

«Следует создать несколько прецедентов с обращением в Комитет ООН по поводу защиты своих прав, - говорит Уткин. - Создать НПО, которые смогли бы консультировать [граждан] по этим вопросам».

По его данным, сегодня около 90 процентов жалоб в Комитет ООН отсеиваются из-за неправильного оформления.

Но даже если будут предприняты эти меры, некоторые аналитики опасаются, что теоретическое право обращаться в Комитет ООН само по себе не сможет сильно повлиять на текущую ситуацию.

По словам Рахимбека, «у Комитета ООН по правам человека нет никаких рычагов воздействия, есть только рекомендации».

Сатпаев также предупреждает, что ратификация международных документов автоматически не подразумевает улучшения ситуации с соблюдением прав человека местными институтами. «Однако это лучше, чем ничего», - комментирует он.

«То, что Казахстан, в отличие от других стран Центральной Азии, понимает, что его статус в ОБСЕ обязывает делать такие шаги, - это очень позитивный шаг», - говорит Сатпаев.

В любом случае, чтобы принципы, изложенные в данном протоколе, начали применяться, должно пройти определенное время, считает правозащитник Андрей Гришин.

«Некоторое время все будет действовать по старинке, опираясь на старое, привычное законодательство, - говорит он. – На своем опыте я знаю, что ни для суда, ни для полиции не существует международных стандартов».

Марик Кошабаев, контрибьютор IWPR в Алматы

Специальный репортаж: детский труд в Горном Бадахшане

Массовый отъезд взрослого населения на заработки из этого горного региона Таджикистана добавил работы их детям.

Отец Самада уехал на заработки в Россию, когда мальчику был год от роду. С тех пор 10-летний Самад не видел отца.

«Раньше папа отправлял нам деньги, а в этом году мы еще ни разу ничего не получали от него», - говорит Самад.

Мальчик живет с матерью и дедом в Барвозе, недалеко от Хорога, самого крупного города Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО), что на юго-востоке страны.

Из-за того, что кормилец семьи не живет с ними, Самад вынужден работать.

«Я помогаю сеять пшеницу и картофель, пасу в горах скот, таскаю воду из реки, рублю дрова в лесу, - рассказывает он. – Но я всегда стараюсь учить уроки, которые задали в школе».

Он признается, что устает, но считает, что ему «надо помогать маме, ведь она часто болеет. Да и дед уже старый, не может много работать».

Жизнь 12-летнего Фариды похожа на жизнь Самада. Если он не смотрит за животными, то работает на участке земли или рубит дрова. Он тоже старается не пропускать занятия в школе.

Фарид живет с бабушкой и дедушкой, так как его мать и отец работают в России уже несколько последних лет.

Гулос Рахматшоев, координатор программы «Защита прав работающих детей мигрантов в ГБАО Таджикистана», сказал IWPR, что в стране тысячи детей находятся в похожем положении.

По данным ЮНИСЕФ, 28 процентов детей от 5 до 14 лет в Бадахшане занимаются тяжелым трудом. Это самая высокая цифра по всему Таджикистану.

В 1993 году, вскоре после получения независимости, Таджикистан ратифицировал Конвенцию о правах ребенка, взяв на себя тем самым обязательства по соблюдению прав и интересов детей.

В 2003 году правительство страны утвердило Национальный план по защите прав ребенка. Целью этого плана является повышение уровня жизни детей, информирование государства и общества об их обязанностях по защите прав детей, и особенно детей из социально уязвимых групп.

Реализация этого плана заканчивается в 2010 году, но мало кто знает о его наличии, сообщает Джамол Худододов, председатель Детского фонда «Возрождение».

РАБОТА ПО ДОМУ ИЛИ ТЯЖЕЛЫЙ ТРУД?

Стандарты Международной организации труда (МОТ) различаются в зависимости от различных типов работы, выполняемой детьми. Согласно этим стандартам, легкую работу можно поручать детям, достигшим 12-13 лет, более тяжелую работу – детям с 14-16 лет, а виды работ, квалифицирующиеся как «опасные», недопустимы до 18 лет.

Национальное трудовое законодательство Таджикистана, между тем, разрешает полную занятость подростков с 16 лет. С 14 до 16 лет они могут работать только 2-2,5 часа в день.

По таджикскому законодательству, принятие на работу детей и получение прибыли от их труда также считаются уголовно наказуемыми деяниями.

Это касается тех, кто привлекает детей на работу в крестьянских хозяйствах в других частях страны. Однако в Бадахшане главная проблема в том, что дети помогают родителям вести хозяйство, говорит Манучехр Холикназаров, руководитель областного филиала Бюро по правам человека и соблюдению законности.

В конвенцию МОТ не входит труд детей по дому или участие в семейном бизнесе. Однако такая работа не должна оказывать влияние на их здоровье или мешать получению образования.

В Бадахшане многие работающие дети из сельской местности подпадают под эту категорию. Другие дети, работающие на рынках в таких городах как Хорог, подпадают под категорию детей, выполняющих оплачиваемый труд.

Жизнь в Бадахшане, большой, но малонаселенной автономной области на Памире, всегда была тяжелой. Экономика в регионе практически полностью сельская, и хотя жители выращивают картофель, пшеницу и табак, отсутствие пригодной для обработки земли и жесткие климатические условия заставляют жителей рассчитывать только на домашний скот.

В такой обстановке родители считают нормальным и приемлемым использовать помощь детей.

В последние годы необходимость в детском труде стала еще острее из-за массовых отъездов взрослой части населения, особенно мужчин, на заработки в Россию и Казахстан. Некоторые из них, такие, как родители Самада и Фариды, в итоге остаются там на более или менее длительные сроки.

По словам Камчибека Насиллобекова, директора государственного унитарного предприятия по внешней трудовой миграции «Бадахшонхоричакор», предоставляющего услуги по трудоустройству граждан за рубежом, 24 тысячи человек или 12% населения Бадахшана сейчас работают за границей.

Начальник отдела областного управления Агентства по соцзащите, занятости населения и миграции Мамадкарим Назиров сообщил, что по разным оценкам за границей находится 25% экономически активного населения страны.

Все это сказалось на объеме труда, оказавшегося на плечах детей.

Например, в кишлаке Шохиризм Рошткалинского района ГБАО 150 из 400 жителей, в основном молодых мужчин, за последние 2 года уехали в Россию. Директор местной школы Сарвар Мансуров говорит, что в соседних кишлаках Синдев и Сежд ситуация такая же – там уехали 140 из 370 и 300 из 1000 жителей, соответственно.

Зарчабек Зарчабеков, председатель дехканского хозяйства в селе Шохиризм, говорит, что недостаток рабочей силы восполняют дети.

«Больше этого делать некому, - говорит он. – Дети действительно выполняют тяжелую физическую работу, но как решить эту проблему, никто не знает».

РОСТ ПРОБЛЕМ СО ЗДОРОВЬЕМ У ДЕТЕЙ

По словам докторов, у детей имеются проблемы со здоровьем из-за того, что они занимаются тяжелой работой. В силу этого их работа, согласно стандартам МОТ, может подпадать под определение «опасной».

Наргис Булбулсаидова, врач-педиатр Центра здоровья Хорога, говорит, что у многих детей, живущих в ГБАО, наблюдается деформация костной системы, болезни внутренних органов, грыжи и другие болезни. По ее наблюдениям, сельские дети в своем физическом развитии отстают от городских сверстников.

«Они морально подавлены, у них наблюдается хроническая усталость», - добавляет она.

Врач-психиатр Мусо Мардонов говорит, что отсутствие родителей плохо сказывается на психическом здоровье детей.

«Даже дедушки и бабушки не заменяют для них родителей, - говорит Мардонов. - Дети мигрантов годами живут без них, и, чтобы привлечь к себе внимание, многие из них становятся наркоманами».

Через Бадахшан, граничащий с Афганистаном, проходит основной маршрут героинового трафика. Побочный эффект этого наркотрафика в том, что на этом этапе своего следования героин дешевый. Объем его потребления среди местного населения увеличился.

Мардонов также отметил, что эти дети чаще своих ровесников идут на преступления, потому что они более уязвимы в психологическом отношении.

«Тяжелый физический труд и отсутствие родителей приводит к тому, что многие из этих детей находятся в состоянии постоянного стресса и депрессии, - говорит Мардонов. - Официальной статистики нет, но имеются факты и попытки суицида, совершенные детьми мигрантов».

НАКАЗАНИЯ И РЕФОРМЫ

Хушомад Алидодов, заместитель председателя областного отделения Социал-демократической партии Таджикистана, рассказал, что тяжелым физическим трудом дети начинают заниматься с 6 лет.

«Никто из тех, кто принуждает детей к тяжелому труду, так и не был еще наказан, - сказал он. - Власти должны привлекать к ответственности тех, кто использует детский труд, а детей мигрантов должны поддержать органы местного самоуправления».

По словам Алидодова, эти дети не получают гуманитарную помощь, так как считается, что их родители зарабатывают большие деньги. «Но насколько деньги мигрантов расходуются на благо их детей, никто не знает», - добавил он.

До недавних пор денежные переводы от рабочих мигрантов были основным источником дохода для большинства таджикских семей, однако экономический спад в России и Казахстане негативно сказался на объеме работы для таких мигрантов. За первый квартал текущего года объем переводов в Бадахшан составил чуть более 4,8 миллиона долларов, что на треть меньше, чем за тот же период 2008 года.

Анджирбегим Макбулшоева, секретарь Комиссии по делам несовершеннолетних при Управлении образования местных органов власти ГБАО, считает, что в первую очередь ответственность за таких детей должны нести их родители.

«При желании можно заработать и на Памире, если хорошо трудиться, - считает она. - Если родители хотят работать в России, им нужно брать с собой и детей».

Житель кишлака Сежд Атохуджа Шафтолиев не согласен с такой точкой зрения. По его мнению, главной причиной того, что родители не берут детей в Россию или другие страны, является то, что там детей трудно устроить в школы и детские сады.

«Только их возвращение решит проблему детского труда, - считает он. - Но сегодня в кишлаках не хватает земли и скота, поэтому решить этот вопрос практически нереально».

Правами детей в Бадахшане занимается целый ряд правительственных и неправительственных организаций. Макбулшоева говорит, что власти готовы сотрудничать с неправительственным сектором в этом вопросе; Джамол Худододов из фонда «Возрождение» считает, что это очень важно.

«Чтобы решить проблему детского труда, нужно объединить усилия всех секторов общества», - говорит он.

На сегодняшний день большая часть работы финансируется международными донорами, например, МОТ, которая выделяет деньги на программу «Защита прав работающих детей мигрантов в ГБАО». Она реализуется в Шугнанском и Рошткалинском районах ГБАО, а также в Хороге. Программа охватит 500 детей в возрасте до 18 лет. Дополнительно в ней будут участвовать еще 3 тысячи детей.

По словам ее координатора Гулоса Рахматшоева, программа реализуется для повышения осведомленности работающих детей о своих правах, а также знаний в этой области у представителей общественности и чиновников.

«В случае успешной реализации программы донорам будет предложен проект создания в ГБАО Детского центра, который займется обучением детей мигрантов иностранным языкам, информационным технологиям, основам бизнеса и правовым вопросам», - сказал Рахматшоев.

(Все имена детей в статье были изменены по этическим соображениям).

Ифтихор Миршакар, независимый журналист в Хороге

Кыргызстан: беспокойство по поводу ситуации с незарегистрированными браками

По словам экспертов, наличие только религиозного брака делает женщину уязвимой.

Растущая среди молодых женщин Кыргызстана тенденция выходить замуж неофициально делает их уязвимыми перед жестоким обращением и дискриминацией, считают правозащитники.

26 мая члены парламента провели встречу с местными чиновниками, духовными лицами и представителями правоохранительных органов, чтобы обсудить законодательство, согласно которому обряд религиозного бракосочетания молодые люди могут проводить только после того, как узаконят отношения в государственных органах регистрации браков.

Свадьбы, проведенные по мусульманскому обряду, не признаются законодательством Кыргызстана, и партнерам нужно пройти процедуру государственной регистрации для того, чтобы иметь права, предоставляемые браком.

Исследование, проведенное в марте нынешнего года обществом Красного Креста, показало, что четыре из десяти браков на юге Кыргызстана не зарегистрированы официально. Это исследование было частью пропагандистской кампании, проводимой Красным Крестом, по убеждению людей регистрировать браки в государственных органах.

Цифры, представленные государственным статистическим органом, показывают, что на юге у половины всех молодых женщин в возрасте от 15 до 19 лет, имеющих детей, брак - неофициальный.

Исламские каноны традиционно были сильны на юге Кыргызстана, и это обычная практика – заключать брак посредством получения благословения муллы. Такая церемония называется «нике».

Раньше пары также проходили светскую процедуру заключения брака, что считалось само собой разумеющимся. Эта традиция постепенно отмирает, так как пары на юге больше не видят необходимости регистрировать отношения каким-то другим, кроме религиозного, способом.

В некоторых случаях это невозможно было бы сделать и по другой причине – невеста часто становится второй или третьей женой, или еще не достигла совершеннолетия. Полигамия считается незаконным явлением согласно светским законам страны.

По словам активиста Абдуманапа Раджапова, некоторые пары идут регистрировать свои отношения после рождения

первенца для того, чтобы избежать сложностей, но многие продолжают жить, как жили.

Поскольку в такой ситуации женщины в глазах государства считаются незамужними, их права на раздел имущества в случае распада семьи значительно уменьшаются.

«Эти цифры говорят, что ситуация довольно серьезная, - говорит о результатах исследования Красного Креста Фарид Авазова, глава Ошской областной комиссии по делам семьи и женщин.

Правозащитники и местные чиновники говорят, что женщины, чьи мужья развелись с ними по религиозным законам, – просто произнеся несколько слов – оказываются изолированными, без помощи закона, их осуждают родственники и соседи. Кроме этого, у них часто нет возможности получить средства к существованию для себя и детей.

Когда Мукарам 2 года назад встретила своего мужа (ей было 25 лет), она согласилась выйти за него, хотя знала, что у него есть жена.

«В начале все было хорошо: ухаживания, обещания о хорошей и обеспеченной жизни. Он был старше меня на два десятка лет, и рассказывал, что жена смертельно больна», - вспоминает она.

Будущий муж убедил Мукарам пожениться по мусульманскому обряду, пообещав, что гражданскую регистрацию проведут позже.

«Он и со своей первой женой тоже не расстался, говорил, что не сможет оставить больную жену, - говорит она. – Да и я не настаивала сильно».

В конце концов, муж оставил Мукарам и уехал в Россию со своей первой женой.

На последних сроках беременности Мукарам обнаружила, что осталась совсем одна, без денег и работы. Ее семья не приняла ее назад.

Когда родился ребенок, она хотела оставить его в детском доме, но не смогла этого сделать.

Детский дом приютил ее на время, пока она искала работу и жилье, и ей удалось найти работу с проживанием.

Помимо полигамных браков есть и еще одна причина, почему пара не регистрирует отношения по светским законам: невесте меньше 18 лет.

«Очень часто обряд «нике» совершается потому, что невеста не достигла официального брачного возраста», - говорит правозащитник Абдубали Халилов.

Гражданский кодекс позволяет в виде исключения браки с 16-летними, но для этого сначала нужно получить разрешение местных государственных властей.

Халилов знает случаи, когда 15-летние девушки выходили замуж по религиозным обрядам.

«Брак, конечно же, совершили мусульманский, так как девушка, согласно семейному законодательству, еще не достигла брачного возраста (18 лет)», - сказал он.

Дети от незарегистрированных браков в случае развода родителей тоже страдают.

«Они живут в неполноценной семье и обречены на нищенское существование, - говорит Лилия Исманова, руководитель кризисного центра «Мээрбан» («Доброта»). – Все это потом влияет на формирование личности гражданина».

Нелегко матерям получить и признание ответственности от бывших мужей.

По словам Мухае Абдурауповой, юриста «Эдвакиси-центра» по правам человека в Оше, «женщинам, проходя множество унижений и оскорблений, приходится доказывать отцовство уже бывших мужей».

Независимый теолог и эксперт по религиозным вопросам Дауд Абы уулу считает, что мужчины обманывают себя, если думают, что религиозная церемония освобождает от ответственности. По исламским законам, сказал он, мужья обязаны обеспечивать своих жен и детей и после окончания брака.

Духовные лица с юга страны говорят, что просто выполняют свою работу и не имеют права отказывать парам в проведении церемонии.

Некоторые мечети выдают свои свидетельства о браке, но эти документы не имеют юридического веса и не признаются государственными чиновниками.

Красный Крест, местные власти и активисты за права женщин пытаются добиться внесения изменений в Гражданский и Семейный кодексы. Они хотят, чтобы регистрация брака в государственных органах была признана обязательной, если пары хотят вступить в религиозный брак.

«В советское время духовные лица могли проводить мусульманские свадьбы только после предоставления официального свидетельства о браке, - сказала Светлана Шерматова, глава офиса Красного Креста на юге Кыргызстана в интервью газете «Эхо Оша» 23 мая.

«Мы предлагаем парламенту внести это требование в Гражданский и Семейный кодексы, чтобы духовные лица,

нарушающие эти правила, несли ответственность за свои действия», - добавила она.

По словам Дильфузы Мурашевой, координатора Красного Креста на юге Кыргызстана, организация проводит работу с местными выборными советами по лоббированию внесения изменений в закон для последующего их рассмотрения в парламенте.

Токтокан Мамбетова, руководитель кризисного центра «Жаныл Мырза» по работе с такими уязвимыми группами общества, как женщины и сироты в южной Баткенской области, сказала, что на общественном уровне определенные действия уже были предприняты.

Местная комиссия, состоящая из старейшин, членов женских организаций и выборных членов совета, пришла к соглашению о наложении штрафа в размере от 115 до 230 долларов на тех мулл, которые проведут обряд религиозного бракосочетания, не убедившись в наличии гражданской регистрации.

Некоторые считают, что даже если удастся добиться внесения изменений в законодательство, они не укоренятся, если параллельно с этим не провести кампанию по изменению убеждений общественности, которая не придает большого значения государственной регистрации брака.

«Изменения в законе не дадут ощутимых результатов до тех пор, пока люди не изменят свой подход и взгляд на этот вопрос, - сказал Абы уулу. - Прежде всего, нужна образовательная работа».

Жылдыз Бекбаева, независимый журналист в Оше

Таджикистан: независимость омбудсмена под вопросом

Уполномоченный по правам человека должен быть независимой фигурой, однако в Таджикистане его назначил президент.

Назначение омбудсмена для контроля над соблюдением прав человека в Таджикистане не рассматривается как признак прогресса, однако аналитиков беспокоит тот факт, что это было президентское назначение.

27 мая депутаты таджикского парламента одобрили кандидатуру омбудсмена Таджикистана. Им стал назначенный президентом Эмомали Рахмоном на эту должность Зариф Ализода, бывший госсекретарь главы государства по правовым вопросам.

О необходимости формирования в Таджикистане института омбудсмена заявлял президент страны еще в феврале 2008 года. Создание нового института стало реакцией на давление со стороны ООН и ОБСЕ.

«Для запада... учреждение института омбудсмена является одним из индикаторов того, что республика ориентируется на демократические ценности, - сказал политолог Рашид Абдулло. - Такой стране оказывается всяческая поддержка».

Согласно закону, омбудсмен Таджикистана независим от каких-либо органов государственной власти, самоуправления или должностных лиц, а также неподотчетен им. Уполномоченный по правам человека имеет статус неприкосновенности и не может быть арестован.

Срок работы омбудсмена составляет 5 лет; один и тот же человек не может быть назначен на эту должность два раза подряд. Ежегодно омбудсмен готовит доклад о своей деятельности и о состоянии соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Омбудсмен будет заниматься проверкой заявлений отдельных лиц о предположительном нарушении прав человека после того, как все юридические механизмы уже использованы. Согласно закону, государственные чиновники обязаны реагировать на запросы омбудсмена.

Очень часто такие случаи включают в себя нарушения, совершенные, как утверждают, государственными чиновниками, например, сотрудниками милиции. Это неизбежно приведет к конфронтации между омбудсменом и государством.

Тот факт, что омбудсмен был назначен президентом, поднял вопросы о том, как выбираются кандидаты, солидарны они с интересами государства или народа, который они должны представлять.

Опыт наличия институтов омбудсмена в Центральной Азии предлагает две модели для Таджикистана. Модель Узбекистана, где институт омбудсмена представляет собой орудие государства, чья общественная роль оценивается многими обозревателями как не более чем ширма для скверной ситуации с правами человека в стране; и контрастирующая модель Кыргызстана, где омбудсмен представляет отчеты, осуждающие действия правоохранительных органов и других ведомств.

По мнению правоведа Шамса Гулмамадова, факт, что омбудсмен был назначен президентом, является проблемой.

Он опасается, что омбудсмен «будет контролироваться госорганами. В своих действиях он не сможет быть максимально независим, чего мы от него ожидаем».

В результате, говорит он, «несмотря на то, что омбудсмен обладает широкими полномочиями и имеет право посещать любые учреждения, остается открытым вопрос, не будут ли его проверки выборочными».

По мнению Абдулло, существующий порядок, при котором президент управляет политической жизнью в стране, означает, что омбудсмен неизбежно будет скорее посредником, чем сильной независимой фигурой.

«Для уполномоченного по правам человека чрезвычайно важно быть в состоянии улавливать тревожные сигналы, исходящие от общества, и умение донести эти сигналы до президентской власти», - сказал он.

Ализода мог быть выбран специально для этой роли.

«Он обладает опытом [ведения] позитивного диалога властей и различных ее институтов, в том числе президента и оппозиции», - сказал Абдулло.

47-летний Ализода является юристом по образованию, в период с 2003 по 2006 годы был председателем Конституционного суда. Он также занимал должности в администрации президента Рахмона – последним был пост госсекретаря главы государства по правовым вопросам и личного представителя в парламенте страны.

Он также был депутатом, председательствовал в Комитете по конституционной законности, законодательству и правам человека.

Важно то, что он возглавлял группу по разработке закона об омбудсмене.

Среди кандидатов на должность омбудсмана назывались имена генерального прокурора Бободжона Бобохонова, заместителя министра юстиции Гулчехры Шариповой. Помимо этого рассматривалась кандидатура бывшего директора Республиканского бюро по правам человека и соблюдению законности Нигины Бахриевой.

Абдугани Мамадазимов, председатель Национальной ассоциации политологов, хотел бы видеть на этом важном посту независимую фигуру, не имеющую отношения к правительству, однако он отмечает, что, «как показала практика, правительство оказалось не готово к этому».

В то же время Мамадазимов признает, что Ализода имеет хорошую репутацию как законник, и он был «не худшей кандидатурой».

«Он человек гибкий и может найти консенсус между государством и гражданским обществом, что немаловажно в данной работе», - сказал он.

Нафиса Давлатшоева, контрибьютор IWPR в Душанбе

Международных трейдеров призвали бойкотировать узбекский хлопок

Несмотря на заверения правительства, прошлой осенью и нынешней весной дети снова появились на хлопковых плантациях.

Правозащитники из Узбекистана призывают мировое сообщество бойкотировать узбекский хлопок.

За последние несколько лет успешная кампания по привлечению внимания к проблеме детского труда в Узбекистане привела к тому, что ведущие ассоциации текстильной промышленности и такие объединения розничной торговли, как Вол-Март (Wal-Mart), Теско (Tesco) и Маркс энд Спенсер (Marks & Spencer) отказались от поставок хлопка из этой страны.

47 активистов и обеспокоенных граждан Узбекистана направили письмо с призывом к странам Евросоюза и правительству США отказаться от поставок продукции из узбекского хлопка, а также призвали торговцев не закупать продукцию в Узбекистане.

Обращение правозащитников было приурочено к Международному дню борьбы с детским трудом, который отмечается 12 июня.

От 1,6 до 2,4 миллиона детей в возрасте от 10 до 15 лет каждый год работают на хлопковых полях во время посевной и сбора урожая. Все школы в стране закрываются на два месяца, и учеников отправляют собирать хлопок семь дней в неделю без выходных.

«Учеников в школах принуждают с сентября и до конца ноября работать на хлопке, - говорит правозащитница из Самаркандской области. - Разве не скажется это на качестве образования в школах?».

Правительство Узбекистана отрицало наличие детского труда в стране, но их позиции пошатнулись в результате увеличивающегося бойкотирования хлопковой индустрии.

Поэтому в начале сентября 2008 года правительство официально ввело в действие две международные конвенции, запрещающие использование детского труда,

ратифицированные Узбекистаном ранее в том же году. Кабинет министров также одобрил национальный план действий, обязывающий соблюдать постановление о минимальном трудоспособном возрасте. Согласно новым правилам несовершеннолетние моложе 15 лет не могут быть приняты на работу, в том числе – и на хлопковые поля.

Власти продолжали утверждать, что теперь дети не работают на полях. Однако через несколько недель стали известны факты, свидетельствующие о том, что это неправда, как сообщалось в недавнем докладе находящегося в Лондоне Фонда экологической справедливости (Environmental Justice Forum, EJF) под названием «Все еще на полях» (Still in the fields).

«EJF считает Узбекистан уникальной страной в виду того, насколько широко применяется система принудительного детского труда при поддержке государства, - говорится в докладе. - Узбекистан затмевает другие [центрально-азиатские] страны как по масштабности этого явления, так и, несмотря на растущее международное давление, по нежеланию признать и принять меры по искоренению факторов, являющихся причиной использования детского труда».

В докладе, основанном на исследованиях, проводившихся на местах, говорится, что дети работают в сложных условиях за смехотворную плату. Их здоровье подвергается риску, и, как отмечается в документе, в прошлом году было зафиксировано как минимум 5 смертельных случаев, связанных с работой на полях.

В ответ на публикацию этого доклада правозащитники Узбекистана объявили, что, несмотря на все свидетельства, «власти публично отрицают факт массовой эксплуатации детей в Узбекистане, так же, как и их собственное участие в этом».

С тех пор, как осенью прошлого года правительство страны утвердило запрет на использование детского труда, оно утверждает, что эта проблема (если таковая вообще была)

осталась в прошлом. Чиновники говорят, что если какой-то ребенок и был замечен работающим в поле во время уборки урожая в 2008 году, то это только потому, что он помогал родителям, а правительство не может контролировать то, как семьи организуют работу на полях.

Акмаль Саидов, директор Национального центра по правам человека, сказал на встрече в ООН в декабре прошлого года, что «согласно закону, [частные] фермы являются независимыми объектами. Государство, таким образом, не может нести ответственность, если дети работают на хлопковых полях фермеров».

Однако в докладе «Все еще на полях» говорится, что «дети, которых встретил EJF, утверждают, что сбор урожая в 2008 году в целом был таким же, как и в предыдущие годы – заявления правительства не внесли перемен в их жизни».

В докладе говорится, что Ташкент находится в курсе того, что происходит: «Что изменилось в 2008 году, так это то, что независимый мониторинг ситуации был значительно уменьшен из-за присутствия представителей органов безопасности на полях – тех самых людей, которые, по утверждению правительства, должны следовать букве закона и защищать права детей».

Правозащитница Гавхар Арипова подтвердила существование разницы между официальными заявлениями и тем, что происходит на практике.

Когда она опрашивала детей на фермах, к ней подошел директор местной школы и сказал, что все они просто помогают своим родителям.

«Однако я не увидела там ни одного родителя, - говорит Гавхар. – Там были только дети, собирающие хлопок в галошах на босую ногу. И это в ноябре».

Хлопок является ключевой экспортной культурой в Узбекистане, в прошлом году признанном третьей по производству хлопка страной мира. Экспортом занимаются два полугосударственных агентства. Однако значительные поступления твердой валюты в страну не увеличивают доходы тех, кто выращивает хлопок.

Фермеры в Узбекистане являются частными предпринимателями, но остаются в долгу перед государством, так как свою землю они взяли в аренду на длительный срок. Они по-прежнему выполняют госзаказ по производству хлопка, который затем сдают монополистам по цене, значительно ниже рыночной. Продажа хлопка в частном порядке незаконна.

Таким образом, хлопковая индустрия, которая теоретически является частной, управляется гигантским государственным предприятием, а чиновникам на местном и национальном уровне поручено «выполнять план», применяя, где нужно, принуждение и детский труд.

«Это, наверное, странно будет звучать для тех, кто мало знаком с нашей страной, но в Узбекистане фактически поручено руководить хлопковой отраслью генеральной прокуратуре, - сказал Ташпулат Юлдашев, аналитик из Узбекистана, живущий сейчас за границей. – Сельскохозяйственные работы в Узбекистане проходят под полным контролем работников милиции».

Фермеры должны нести все производственные затраты, но при этом продукцию они вынуждены сдавать по фиксированной цене. Поэтому неудивительно, что выращивание хлопка не приносит большой выгоды.

«Фермеры не только не получают прибыли, но зачастую остаются в убытке», - сказал Юлдашев.

Житель центрального Джизакского района страны рассказал, как выживают те, кто взял в аренду землю и выращивает хлопок. Фермерам разрешено высаживать фруктовые и овощные культуры на небольшом участке земли, урожай с которого они затем продают на рынке.

Принудительная консолидация, согласно которой группы мелких фермерских хозяйств объединяют в одно, оставила без земли и работы множество бывших арендаторов. Никакой компенсации они так же не получили.

Даже крупные арендаторы не могут позволить себе оплачивать труд наемных работников, которые находят более высокооплачиваемую работу в своей стране или за границей.

Поскольку не было внесено никаких изменений в экономику производства хлопка, не удастся избежать применения детского труда и в 2009 году, считают обозреватели.

Жители, опрошенные в прошлом месяце IWPR, рассказали, что детей уже нанимали для посадки хлопка и прополки молодой поросли.

По словам обозревателей, местное правительство не применяло открытое принуждение. Вместо этого оно прибегло к материальному поощрению, потребовав, чтобы фермеры заплатили каждому ребенку-работнику от 5 до 6 тысяч сумов, что равно 4 или 5 долларам в день.

В своем открытом письме правозащитники заявляют, что проблему использования детского труда можно решить, только если правительство начнет всеобъемлющие реформы и позволит фермерам самим решать, что им выращивать, кому продавать продукцию и по какой цене. До сих пор, говорят они, не было никаких признаков того, что это произойдет.

Умида Ниязова, независимый журналист из Узбекистана, сейчас живущая в Германии. Она также является главой Узбекско-немецкого форума по правам человека

